



УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

май 2013



Аэлита

50

Законы Вселенной

АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО
Главная тайна КГБ

50

68

Координаты чудес

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА
Экстренное торможение

68

74

Координаты чудес

ЕКАТЕРИНА КОНОН
Цветок Папоротника

74

80

Повод для улыбки

ВИТАЛИЙ ВАВИКИН
Нанобум

80

Главная тайна КГБ

Пролог

Он пришёл по вызову в точно назначенную минуту. Знакомый голос в телефонной трубке принадлежал человеку, служившему в советские времена начальником отдела в Первом главном управлении КГБ СССР. Такие люди сохраняют влияние при любом режиме. О том, чтобы не послушаться, и речи нет.

Роскошный зал ресторана «Егоркино» ничуть не напоминал аскетические кабинеты с неизменным портретом Дзержинского, в которых их общение происходило три десятка лет тому назад. Но пыточные подвалы подошли бы лучше. Обвинение, которое он услышал, тянуло даже не на исключительную меру. Скорее всего, на вечное проклятие и пребывание в самом жарком котле преисподней.

— А ты когда-нибудь задумывался, что явилось главной причиной развала Советского Союза?

Инженер потрясённо посмотрел на грозного визави. Неужели, прояви он в 1982 году чуть больше благоразумия и не завалился со злополучными фотографиями в Кафедральный Собор, великое государство существовало бы до сих пор?

А начиналось всё безобидно и даже несколько скучно.

Глава первая

Вовчик не любил Комитет государственной безопасности. Нет, его родственников не репрессировали и не записали в диссиденты за крамольные мысли.



Анатолий Матвиенко

Родился в 1961 году в Минске, где проживает и поныне. Юрист, кандидат наук, служил в МВД следователем, потом — преподавателем вуза. Участвовал в боевых операциях по усмирению армяно-азербайджанского конфликта в 1989–1990 г. Занимался бизнесом, но с 2000-х годов работал по найму в IT-фирме. В 2011 году получил проблему с позвоночником, слёг на полгода, отчего начал писать. Первый роман «Инкубатор для вундерваффе» вышел в 2012 году, осенью — его продолжение «Восточный квест». Любимым собственным произведением считает роман «Аэропланы над Мукденом» (ИДЛ, февраль 2013). В издательстве ЭКСМО выходят две серии автора — «Тайная Москва» и «Наше оружие».

Благодаря кристальной чистоте биографии и звонку маминых знакомых он благополучно распределился после университета.

Пожилой кадровик, явный выходец из органов, протянул Вовчику пропуск и неодобрительно посмотрел на новичка. Недоучка в джинсах с надписью на языке враждебного государства не подходит для работы в оборонке. «Присмотрю за тобой — подумал бывший опер, — при первом подозрении — вон!»

Как и большинство военных предприятий радиоэлектронной промышленности, номерной завод избражал производство гражданской техники. Поэтому молодого специалиста, свежешуапшего на завод по распределению, отправили в лабораторию, в основном занимавшуюся проектированием бытовой аппаратуры.

Он вышел из отдела кадров и пересёк заводской двор, обходя многочисленные лужи. Октябрь, дожди, а его родной город — далеко не Туапсе. Хотя госэкзамены сданы в июне, три месяца молодой жизни отняли военные сборы, где Вовчик с умеренной старательностью изображал будущего артиллерийского офицера.

Заведующий лабораторией, некрупный мужик с характерными красными прожилками на лице, представился как Михалыч и принял молодое пополнение с восторгом.

— Орёл! Каких бойцов наш радиофизфак готовит!

— Извините, конечно, но я физический факультет закончил, — проямлил новобранец, не ожидавший столь мажорной встречи.

— Ёпть... А хотя бы паяльник знаешь за что держать?

— Ну да. Радиоловитель я, со школы.

— Радиодетали тырить будет, — угрюмо просипел Фомич, старший член маленькой команды, занимавший самый дальний стол. Из-под него выглядывали коричневые носки внутри заношенных сандаликов, никак не вязавшихся с дождливой осенью. Их обладатель выглядел существом, опоздавшим в жизни — на месяц с переменной обуви или вообще на много лет.

— Без паники, чему надо — научим, — солидно и оптимистично заявил молодой парень, на год старше Вовчика. — Привет, меня зовут Роман.

— Для тебя радость, да, Ромочка? — прошелестела некрасивая девушка, какие идут на мужские специальности, чтобы выскочить замуж при половом соотношении двадцать к одному. — Теперь ты не самый младший.

— Кстати. С тебя проставка — в коллектив вливаешься. Ждём до аванса. А пивком — уважь. Тем паче

как молодому за пивом тебе бегать, — Фомич порылся в кармане потёртых штанов, извлёк медной мелочью двадцать четыре копейки, опомнился и кинул их обратно. — Чего это я? Новенький же ставит.

Рома вручил Вовчику как переходящее красное знамя авоську с трёхлитровой банкой, уточнив:

— Вова, проблемка есть. Раньше мы трое по литру брали, слоик выходил. Теперь ищи тару на четыре литра.

— Я вообще-то не очень...

— От коллектива отбиваешься, в него не вступив? — с деланной угрозой в голосе спросил Михалыч. — На самом деле, без литра пива крыша едет. А водку на рабочем месте глушить не позволю. Мы — секретная лаборатория режимного предприятия. Дуй в стекляшку за гастроном и не торопись, дай отстояться.

Вахтёр на проходной даже пропуск не спросил. Юная физиономия студента, пустая трёхлитровая банка в сетке — что может быть обыденнее?

Пивбар не пустовал, несмотря на первую половину дня. Вовчик занял очередь за работягами и такими же, как он, гонцами с банками, пропитываемых запахами скисшего пива и неизменной рыбки на закуску. Как-то в детективном романе о шпионах он читал, как советский разведчик назначил встречу со связным в пивном баре в Берлине и за бокалом пива передал ему секретные инструкции КГБ. Вовчик огляделся. Интересно, у фрицев такой же интерьер? За ближайшим высоким столом расположились два мужика. Один отхлебнул из кружки четверть и вновь долил её до краёв водкой, второй стучал сухой воблой по грязной и липкой столешнице. Стекляшка — потрясающее место для шпионов. Никакое ЦРУ не заподозрит, что здесь произойдёт встреча рыцарей плаща и кинжала.

Сосед присосался к водочно-пивному коктейлю. Вовчик вспомнил из уроков истории, что в пивбаре началось восхождение Гитлера к власти. Очевидно, в таком неприятном месте ничего хорошего не происходит.

Семьдесят две копейки, уплаченные за три литра, пробили дыру в рублёвом дневном бюджете, составленном из расчёта девяносто две копейки за комплекс в заводской столовой и два раза по четыре за талончики в троллейбусе. Остатков хватило на кефир и микроскопическую булку.

Больше не произошло решительно ничего, достойного упоминания. Три заслуженных инженера усвоили «Жигулёвское», юниор оприходовал кефир и булку, сполоснув бутылку, чтобы сдать. В оставшееся до семнадцати часов время он листал старые подшивки журнала «Радио» и с толпой отработавших смену заводчан зашагал к дому.

В этот день, который государство ему оплатит как полноценный рабочий, исходя из месячного оклада сто десять рублей грязными, Вовчику не открылись ни тайны мироздания, ни секреты оборонного сектора, даром что оформлен допуск. Скорее осозналось давно известное и очевидное, но непрочувствованное. Жизнь после окончания вуза потеряла прежний смысл, а нового нет.

Молодым специалистом он стал. Благодаря протекции не сослан в среднюю школу учителем физики. А дальше? Лаборатория обозначила потолок. Самый высоко взлетевший в ней — завлаб Михалыч, тихий алкоголик на окладе с премией в общей сложности сто шестьдесят пять рублей и никакой перспективы.

Хотелось большего. Не только денег, не всё ими мерируется. Чего-то возвышенного. Такого, о чём мечтали у костров и палаток, горлапя смелые романтические песни.

Полёт души не убила производственная практика в НИИ на пятом курсе. Вовчик надеялся, что даже на заводе найдётся место для духовного и творческого. Например, изобрести какую-нибудь фигню для ракеты, чтоб американцы боялись и думать о нападении на мирный Советский Союз. Получить за это государственную премию и путёвку в Пицунду. Серые будни лаборатории, смесь запахов пива, табачного дыма и паяльной канифоли — самое то для романтики.

Осталась одна отрада — музыка. Тяжеловесный магнитофон «Юпитер-202», на который откладывались заработки с двух стройотрядов, принял бобину с лентой, из колонок полилась АВВА. Музыка унесла вдаль, заполнив мир вокруг и отложив проблемы выживания на заводе в долгий ящик.

Вовчик пришёл на работу на следующее утро с намерением постепенно подобрать детали и сваять стереоусилитель, а за полгода скопить на акустические системы S-90, лучшие в СССР. Но радиолобительство его настигло в другой форме.

— Принимай заказ. Бытовая стационарная радиода, длинные и средние волны, проигрыватель на тридцать три оборота, один динамик на два ватта.

— Монофоническая? Прошлый век! — удивился Вовчик.

— Не твоя печаль, — пожал плечами Михалыч. — Заявка на разработку согласована в министерстве. Дерзай.

Неоперившийся инженер уединился в закутке, перечитал техническое задание и внезапно понял, что ему тоже необходимо выпить литр «Жигулёвского». За творческим поиском его застал Роман.

— А-а, каменный топор изобретаем. Знакомо. Мне тоже пришлось.

— Как же ты выкрутился?

— Элементарно, Ватсон, — Рома взял в руки листик с заданием. — Смотришь старую подшивку журнала «Радио», находишь такую же древность, лишь бы не ламповую. Потом берёшь схему, переделываешь, заменив пару мелких деталей. Ну, конденсаторы в цепях питания увеличь.

— Ромка, а в плагиате не обвинят?

— Шутишь? Наоборот, похвалят за унификацию технических решений. Готовую схему дай Машке, пусть оформит красиво. У неё почерк отличный, к сожалению, на этом её достоинства заканчиваются.

Роман зря придирился к единственной даме. После обеда она проявила талант политинформатора, рассказывая о сложном международном положении вследствие нападков империалистов на СССР из-за ограниченного советского контингента в Афганистане. Мужчины потягивали принесённое Вовчиком пиво, на чём, собственно, закончился второй рабочий день.

Глава вторая

Секреты КГБ появились на третье утро. Михалыч, заметно добавивший после «Жигулёвского», взрел юное дарование за поспешное исполнение бумаг по магнитоле.

— Торопливость — признак невнимательности. Хорошо, что оно у меня месяц валялось, пока ты на глаза не попался.

Завлаб куснул рыбку и вытер руку о халат, столь пятнистый, будто его владелец был химиком и орудовал едкими веществами, а не радиоприборами. Брюки, заполнившие пространство от халата до пола, выглядели куда аккуратнее, выдавая незаурядные старания михалычевой жены. Поправив настроение килькой, босс продолжил.

— Ладно. Вижу, ты парень неплохой. Пора подключать тебя к главному. Дуй в спецчасть и тащи

материалы с 37-214 по 37-217. Будешь с ними работать.

Ничегошеньки не понимая, Вовчик расписался в большом прошитом и пронумерованном журнале спецчасти. Оставив за спиной бронированное окошко, похожее на пулемётное гнездо в ожидании вражеской атаки, он принёс четыре папки шефу.

— Ну-ка, ну-ка. Опять ничего интересного. Дуй к Фомичу, он объяснит, как отписываться от КГБ.

Растерянный молодой специалист приземлился на стул возле опытного инженера, который увлечённо паял что-то мелкое и стопроцентно неслужебное. Присмотревшись, Вовчик опознал внутренности японского транзисторного приёмника, корпус которого валялся рядом пустой скорлупой.

— Гхм...

— Чего тебе?

— Да вот, Михалыч дал какие-то схемы секретные.

— А-а, — протянул Фомич и подтвердил. — Ничего интересного.

Отложив документы, пожилой умелец воткнул в разём батарейку «Крона» и что-то замерил авометром в японских внутренностях.

— Ты ещё здесь?

— Думал, вы подскажете.

— Что тут думать, — Фомич с лёгким раздражением повернулся и приподнял очки. — Пиши: благодаря разведанным воспроизведена технология квантового фазоинверторного дуплексного микроволнового ревербератора, которая внедрена... ну, скажем, в тепловизорных устройствах наведения ракет на Белый дом.

— Это же бред! Как такое писать в официальном, тем более секретном документе?

Инженер откинулся в кресле и соединил пальцы на пивном животике, снисходительно посмотрев на коллегу.

— А для чего документ секретят? Правильно! Чтобы его никто не читал. Думаешь, секретарша в КГБ, которая подошьёт твой ответ в папку и запрет навсегда в самый секретный бункер, хоть в чём-то разбирается?

— Тогда зачем?..

— Хороший вопрос. Если верить вражеским голосам, разведка КГБ трудится во всех странах мира. Представляешь, какой огромный объём информации она добывает? Понятно, что по первости они сами сортируют, важное откладывают. У них здоровенное подразделение есть, которое перерабатывает научно-технические результаты. А что делать с остальным? Знаешь, сколько народных средств затрачено, чтобы ты мог прочесть эти листики? — он шлёпнул пятернёй по папкам. — И я не знаю. Много. На выходе имеем пачку фотокопий всяких схем, обычно с обрезанными краями, которые ни по элементной базе, ни по характеристикам советской электронной промышленности не нужны.

— Снова не понимаю.

— КГБ не может ошибаться, так? Кто-то получил медаль за эти схемы. Списана прорва денег. Героический майор Пронин насмерть загрыз вражескую овчарку на переходе границы. А ты считаешь — нужно похерить подвиг бойцов невидимого фронта? Тебе повезло.

— В чём же?

— Под эксперименты со схемами КГБ можешь показать и списать почти любые детали, только не наглей. И мне высокочастотный малолшумящий транзистор нужен, — Фомич указал на приёмник. — На наших КТЗ15 он плохо работает.

— Простите, но как я объясню, что для этой схемы нужен высокочастотник? Тут и близко нет подобных деталей.

— Ну ты тупой, студент. Тебе ясно сказано — секретные материалы уйдут в ба-алшшой сейф. Кто проверит? Что себе хотел спаять, усилкок?

— Да.

— Все здесь с них начинают. Выбериай схему усилителя и пиши заявку на детали для экспериментов по заданию ГБ. Через месяц отрапортуешь об успешном ревербераторном инверторе. Маша поможет оформить. Госбезопасность тобой довольна. Чем плохо?

В таком напряжённом трудовом ритме прошёл первый месяц. К его концу Вовчик повторно принёс готовый проект радиолы и натужно спросил завлаба, неужели это дерьмо пойдёт в серийное производство.

— Малец, с дуба рухнул? У нас непрофильное предприятие. Заявка была от завода «ВЭФ» или, там, «Электрон». Они конкурс объявляют. Представляют заодно свой проект, содранный с какого-нибудь «Панасоника» под нашу элементную базу. Пишут мощность не два, а десять ватт. Министерство с умным видом разбирается и утверждает их схему. Все довольны.

— Михалыч, скажи честно, мы вообще хоть что-то полезное делаем или только бумажки пуляем?

— Вовчик, тебе аванс выплатили? Естественно.

Я по проставке помню. И зарплату выдадут. Государство нами довольно. Или ты самый умный, которому больше всех надо? Иди и не отсвечивай.

За год молодой специалист привык к подобной жизни. Он моментом сочинял отписки от вала бумаг, падавших по линии Министерства или КГБ, списывал и присваивал детали, паял из них на работе усилители для вокально-инструментальных ансамблей, цветомузыкальные приставки и автомобильные сигнализации. Платы выносил в пластиковом бидоне под пиво, в корпус их монтировал уже дома. Коллеги посмеивались. Ремонтными импортной техники, которую везли фарцовщики, но не обслуживали совет-

ские ателье, инженеры зарабатывали куда больше. А особенно хорошо паялось под пиво, пусть и мутное «Жигулёвское».

У Вовчика появилась девушка. Какие-то карманные деньги, личная жизнь, танцы на дискотеках и любимая музыка из нового магнитофона «Олимп» в совокупности создали терпимую моральную атмосферу, в которой он был готов существовать долгие годы. Но тут вмешалась госбезопасность.

Очередной привет от Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) получился необычно толстым. Несмотря на халяву с радиодетальями, «деды», включая Ромку, дружно откосили, опасаясь нужды в слишком долгом бумагомарании под статью объёму секретных документов. Обе папки достались Вовчику.

Одна папка содержала замысловатую схему, сложнее транзисторного телевизора. Она даже Фомича заинтриговала.

— Гляди. Со входа сигнал попадает на многоступенчатый усилитель высокой частоты. О-па, какие маленькие номиналы в LC-контурах. Штука должна работать на частотах свыше гигагерца. Затем идёт преобразователь и на выходе формируется видеосигнал для обычного кинескопа. СВЧ-подглядыватель. На входе, я так понимаю, стоит что-то типа радиоантенны. Но для чего нужна огромная частота, не могу взять в толк. Сопутствующего описания, естественно, никакого?

— Как всегда.

— Ладно, и ты действуй без особой выдумки. Раз схема целая, без отрезанных кусков по краям, их спецы наварняка мозги сломали, к нам заслали «для галочки».

Глава третья

Фомич как в воду глядел.

Через неделю после оптимистичного рапорта об успешных испытаниях и внедрении «фотонного ви-

зуального преобразователя» в лабораторию вступил товарищ в штатском, чей внешний вид и манеры не оставили сомнений в профессиональной принадлежности.

— Я хочу увидеть инженера, написавшего отчёт по материалам 605-й папки, — заявил посетитель.

— Догадываюсь, откуда вы, но позвольте удостоверение, — засуетился Михалыч и правильно сделал. Иначе чекист мог запросто накатать телегу, что секретные документы показали лицу, не установив его личность и полномочия. Тем более что посетитель оказался целым полковником.

Среднего роста, с незапоминающимися чертами лица, но при этом властный, светящийся приобщённостью к некоему сакральному знанию и возвышающийся над простыми смертными, гэбист перепугал Вовчика до коллик.

— Скажите, Владимир, вы действительно собрали установку по этой схеме или... как обычно?

Инженер затравленно глянул на завлаба. Тот прикинулся ветошью, остальные подельники демонстративно нырнули в свои дела. Кого принесут в жертву, можно не спрашивать.

— Я жду ответ.

— Понимаете, я не уверен, что все детали...

— Иными словами — нет.

Вовчик сокрушённо опустил плечи.

— Знайте, отправляя сюда этот проект, наш сотрудник рассчитывал, что вы подтвердите невозможность запуска данной схемы. Поставив «галочку», что на стороне опыт не удался, дело списали бы в архив. Но вы отрапортовали, что всё удалось, и вы даже отправили аппарат на внедрение для наблюдательных систем подводных лодок. Знаете, у кого на контроле стоит это поручение?

Завлаб перестал дышать, а Вовчик мысленно представил себе коридорный стенд «Члены Политбю-

ро ЦК КПСС». Брежнев и Андропов вполне соответствовали интонации, с которой гэбешник произнёс «у кого». Впрочем, сразу вспомнить многочисленный и постепенно вымирающий ареопаг невозможно без литра пива.

— Что теперь делать? — просипел Вовчик.

— Предъявить работающий образец. Срок — десять дней.

Воцарилась тишина. Чуть потрескивал паяльник на столе у Романа.

— Не выйдет, — хмыкнул Фомич.

— Пахать всем и по ночам! — рявкнул полковник, не взирая, что пятеро инженеров не были его подчинёнными.

— Да хоть без выходных. Я видел ту схему. На советских полупроводниках она работать не может, — сегодняшнее пиво легло на «после вчерашнего», и Фомич не вполне понимал, кому противоречит.

— Что ещё вам советское не нравится, гражданин? — в голосе разведчика лязгнуло эхо от замков тюремных дверей.

— Мы на партсобрании или дело обсуждаем? Нужны кремниевые транзисторы, которых наша промышленность не производит.

Гэбист нахмурился до предела. Казалось, вокруг него разразится гроза и начнут бить молнии. Он попробовал взять себя в руки и внести конструктив.

— Что, деталек каких-то не хватает?

— Многих. Если схему поднять из спецчасти, можно составить список.

— Вечером список мне на стол! Не представляете, с чем решили шутить.

Хлопнула дверь. Завлаб вылез из щели, проявившись как фотобумага в ванночке. Ромка восхищённо сказал:

— Ну ты и смел, Фомич! Так им и надо, сатрапам!

Начальник изобразил взятие ситуации под контроль.

— Володя, срочно носи из спецчасти папки. Потом гони в стекляшку по новой, сегодня долго думать будем.

Чисто машинально Вовчик расписался и за вторую стопку секретных бумаг с безобидным растробом, отнёс их в лабораторию, спровоцировав мозговой штурм.

— Мужики, а давайте соединим плату телевизора «Горизонт» с блоком от осциллографа? Он какую-нибудь хрень точно на экран выведет. Усиленные шумы, там.

— Не, Ромка, опасно, — возразил ветеран. — Они могут прибор на исследование взять. Как увидят, что схема не та — пиши пропало. Пусть вообще не шевелится, но чтоб похоже на добычу штирлицев. Да, Михалыч?

Завлаб кивнул рано лысеющей гловой.

— Молодёжь! В три пары рук быстро выписать номенклатуру радиоэлементов. Количество увеличить в два раза, а то спалите, звери, при монтаже, и полковник меня съест за просрочку. Фомич, с тебя макет печатной платы.

— Транзисторы и диоды? — уточнила Маша, демонстрируя знание хотя бы двух терминов.

— Нет, дорогая, пассивные элементы тоже. У наших точность, вы же знаете, плюс-минус трамвайная остановка, — понизив голос, Фомич добавил. — Потом распаяем игрушку и пустим детали на ремонт японских телевизоров.

Неделю с рабочего места заслуженного инженера доносился приглушённый мат. Не слишком отчётливая фотокопия монтажной платы из той же секретной папки 37-605 помогла незначительно. Фомич упростил задачу, притащив на работу сгоревший те-

левизор «Электроника», оживил его за полчаса и приделал видеовход. Половина иностранной схемы отпала за ненадобностью. Но и после обрезки нужно было разместить сотню резисторов, полстолька конденсаторов, десятки дросселей и полупроводников.

Напуганный шухером Михалыч заставил Вовчика воплотить в жизнь и другую добычу парней с чистыми руками у горячего сердца. Четырёхгранная пирамида содержала светочувствительные элементы и контроллер. Детальки оказались столь же экзотическими, но случайно нечто подобное уже фигурировало в сверхсекретных экспериментах по заданию ГБ. Вовчику отсыпали пригоршню крохотных диодных линеек с восьмьюдесятью ячейками и контроллерами. Убив два дня, парень укрепил шестьдесят линеек на текстолите и укрыл их жестяным конусом, вырезанным из банки от венгерского зелёного горошка «Глобус». Советский Союз ценой колоссальных затрат и серьёзного риска от раскрытия агентуры получил действующую модель электронной камеры-обскуры с разрешением картинки тридцать на сорок. Весь коллектив не смог толком придумать, куда рекомендовать к внедрению средневековое оптическое изобретение на дорогущей современной элементной базе.

Через месяц с видом злого Деда Мороза полковник принёс коробки с тщательно ободранными наклейками.

— Три дня, чтобы спаять и наладить!

Взоры устремились на Фомича, признанного авторитета в деле сопротивления карающим органам.

— Товарищ, у нас даже монтажная плата не готова.

— Вы совсем охренели?! Забыли, с кем имеете дело?

— Без деталей в руках невозможно правильно разметить печатную плату, — сочувственно вздох-

нул Фомич. По большому счёту, с низовой должности на радиозаводе его никуда не турнут, а если даже уволят, с такими руками и опытом не пропадёт. Напротив, с полковничьей должности можно падать далеко и больно, это понимал даже Вовчик. — Знаю, вас давит начальство. Но быстрее не получится, даже если сам Леонид Ильич сюда явится.

— Не терять ни секунды! — рявкнул полковник и исчез.

— Лучше бы пузырь пообещал, — ухмыльнулся диссидент и вскрыл коробки.

Как явствовало из находившихся внутри бумажек, детали закупались в США, Западной Германии и Швеции.

— Что, в США их не купить в одном магазине? — наивно спросил Вовчик.

— Слишком дёшево ценишь разведку, — усмехнулся Михалыч, крутя в пальцах затейливый транзистор, похожий на яркого жука о трёх лапках. — Закупка в одном месте выдаст врагу информацию, для чего КГБ нужна эта шляпа. Секретность, понимаешь.

— Коллеги, а может, ради такого нам машинное время выделяют? — Вовчик смело глянул в недоумённые глаза рыцарей паяльника. — Чтобы не вручную плату считать, а на счётно-вычислительной машине? Я слышал, в соседнем корпусе она целый этаж занимает.

Когда в комнате стихло ржание, Михалыч вытер глаз и с сожалением ответил:

— Что за молодёжь пошла! Ромка и то быстрее освоился. Вовчик, почему до сих пор не въехал? ЭВМ стоит для показухи. Знаешь, сколько мы будем бить дырки в перфокартах, чтобы машина посчитала?

Глава четвёртая

Фомич оказался оперативнее машины. Через неделю он опустил в ванночку с хлорным железом одну

из двух спроектированных им печатных плат. Она была тринадцать на восемнадцать сантиметров, по размеру фотованночки. Крупнее не водилось, потому что платы большего размера трудно выносить через проходную завода.

Полковник звонил не менее двух раз в день, практически ежедневно прибегал. К намеченному дню первого включения на удивление успокоился. Быть может, сидящий над ним генерал укатил в командировку в какую-нибудь ГДР.

Изделие №605 гордо возлежало на деревянной крышке упаковочного ящика. К деревяшке были прикручены: телевизор «Электроника» с экраном в пачку «Беломора», занявший половину доски, две текстолитовые платы и блок питания от сети 220 вольт.

— Ну, пробовали? — вместо приветствия выстрелил разведчик.

— Да, — ответил завлаб. — Преобразователь работает. На экране видны шумы частотного диапазона свыше десяти гигагерц.

Послушав минуту объяснения, из которых полковник явно не понял и половины, он сел за стол Вовчика, взял в руки кабель с короткой антенной, поводит им из стороны в сторону. Аккуратно покрутил переменный резистор, меняющий коэффициент усиления. Помехи на экране становились то гуще, то слабее, от движений антенны их рисунок менялся. Пожалуй, всё.

Маша, Фомич и Рома предусмотрительно занялись делами за пределами лаборатории, Вовчик и Михальч приготовились выслушать финальный втык. Разноса не последовало.

Наигравшись с прибором, полковник достал из щёгольского портфеля бумажную папку без надписей, в которой оказались крупные цветные фотографии

и американский университетский журнал со штампом архива управления КГБ по городу и области, естественно — сов. секретно.

— Как вы думаете, зачем вообще создавался тот аппарат?

— Возможно, для космических наблюдений, — неуверенно предположил Вовчик. — Программа SETI. Захотели послушать небо в СВЧ-диапазоне.

— По-английски читать умеете? — спросил гэбист и, увидев смущённые лица, понял, что сморозил глупость. — Слушайте. В апреле 1981 года американский учёный, имя опустим, заявил, что с помощью этого прибора обнаружил странную жизнь в высокочастотных радиоволнах свыше десяти гигагерц. Наши люди сфотографировали его установку, как видите, она не сильно отлична от вашей, только аккуратнее. Следующее фото — заметка в американской газете, что тот учёный заявил об открытии, которое может нанести вред человечеству. Он уничтожил оборудование, схемы и покончил с собой.

— Псих. Все они психи, с жиру бесятся, — произнёс Михальч, чтобы хоть что-то сказать.

— Наша лаборатория пробовала спаять ту же схему. Они не заказывали детальки за границей.

— Понятно. Пытались что-то соорудить на наших аналогах.

— У них получился серый фон на экране, как у телевизора с выдернутой антенной.

Пока старшие обменивались мудростью, Вовчик внимательно глянул фото американского прибора. Станный узел размером с две ладони, если судить по масштабу картинки, показался до боли знакомым. Он его недавно видел и даже воспроизводил. Палец, резанный о венгерскую жезь, до сих пор в пластыре.

Вечером Фомич плотоядно поглядывал на платы у деревянной доски на предмет распайки, хотя

за неделю до этого уже оприходовал излишки заграничного заказа. Михалыч строго-настрого запретил разбирать установку, пока «не уляжется говно вокруг 605-го задания». Фомич тут же потерял интерес.

Вовчик сложил секретные папки, чтобы отнести в спецчасть от греха подальше. Офигеть! Кто-то шибко умный в разведке разделил электронную схему преобразователя и приёмного устройства на два разных проекта. Чудо, что оба оказались на одном столе.

Инженеры разбегались, посоветоваться не с кем. Сдав секретные папки в окошко перед самым его закрытием, Вовчик двинул домой. Ему внезапно захотелось делиться находкой с коллегами. Да и слова полковника о странной кончине заокеанского учёного запали в память.

На следующий день Фомич на правах владельца снял телевизор с габешного устройства, присоединил самопальную антенну и включил. Комната целый день заполнялась новостями о битве за урожай, актуальными репортажами о трудовых вахтах металлургов и поцелуях Брежнева с Хонеккером.

Вовчик втихую скрутил платы, вынес с завода, а на отложенную заначку купил в комиссионке маленький телек «Шилялис-401» семидесятых годов выпуска. Наступила суббота. Родители отправились в гости демонстрировать купленную по благу мамину шубу.

Старый слепой кинескоп уступил место новому. На шестнадцатисантиметровом экранчике появилось достаточно чёткое изображение, а голос диктора сообщил об очередных происках американского империализма. Вовчик припаял видеовход, не предусмотренный заводом-изготовителем, соединил фидером телевизор с платами СВЧ, к которым подключил пирамидальную камеру.

Снова разочарование. На экране — лишь светлый фон, сколько Вовчик ни крутил настройки

усиления и частоты, двигая в воздухе пирамидкой. Плюнув, он сходил на кухню за сигаретами, а по пути к радиотехническому закутку увидел на экране телевизора мелькание. Вблизи экран оказался чист. Вовчик решил не сдаваться. Он вернулся к двери и снова двинул к прибору. Экран показал идущий силуэт.

Вовчик закурил и задумался. СВЧ-устройство обнаруживает только его — живое существо. Дорогая мебель из Югославии и дефицитная чехословацкая люстра на экране не отображаются. Почесав репу, экспериментатор прикинул, что прибор можно сделать переносным — «Шилялис» задуман как автомобильный телевизор, и американская схема питается как раз от двенадцати вольт. Интересно, как будут выглядеть на экране животные и люди на улице?

Тут в телевизоре случилось новое шевеление, хотя Вовчик недвижимо сидел и курил. По экрану прошествовал силуэт, тяжело переставлявший ноги и опиравшийся на руку, будто там была палка. Моторика движений казалась до боли знакомой. Не может быть!

Мираж скрылся за обрезом картинка, Вовчик торопливо перевёл раструб на диван. Радиопризрак куда не исчез. Он сидел, опираясь на невидимые в телевизоре диванные подушки, и выставил вперёд руку, которая держала невидимую трость.

— Бабушка?

Вовчик нерешительно присел на край дивана. Было жутко, любопытно и... грустно. Умершую три года назад бабушку он по-настоящему любил. Протянул руку к ней, обернулся к телевизору и увидел, как видение встало, шагнуло к двери и исчезло. Парень медленно вернулся к реальности, выключил аппаратуру и набухался в одиночестве, как последний свинтус.

В понедельник Михалыч и Фомич дозрели на распайку секретных плат. Вовчику ничего не осталось сказать, что он обе их продал.

— Идиот! — рявкнул старый мастер. — За сколько продал?

— Пятьдесят рублей...

— Твою ж мать... Я бы на одних ремонтах не менее двух сотен сделал. Деньги где?

— Ну, половину принесу завтра. Остальные истратил.

Сиреневый банковский билет достоинством в четвертной успокоил завлаба и ведущего инженера, которые тут же перевели его в объёмно-литражные категории. Но покупка «Шилялиса» и двадцатипятирублёвая компенсация пробили дыру в бюджете Вовчика. А ему хотелось купить ранец, автомобильный аккумулятор и сводить подружку в кафе, как обещал. Поэтому носимый вариант СВЧ-конвертера воплотился в жизнь лишь в конце января.

Электронный комплект, одетый поверх старой дублёнки, делал оператора похожим на десантника-ботаника. Рюкзак на спине с аккумулятором и платами напоминал парашют, сумка на груди с «Шилялисом» и приёмной камерой выглядела как запасная парашютная. Учитывая, что портативный телевизор времён развитого социализма весил около четырёх килограммов, свинцовый аккумулятор — больше десяти, полная экипировка затянула примерно на двадцать кило.

В загнивающим империалистическом мире Вовчика в таком облачении, наверно, останавливали бы на каждом шагу, подозревая, что он террорист из Красных Бригад или ИРА. Здесь же за несколько месяцев его лишь раз тормознул участковый. Вовчик быстро переключил сигнал на обычную антенну. Увидев, что молодой человек может смотреть футбол на ходу, милиционер покачал головой: «Ну и кулибин!», отпустив подобру-поздорову. Даже дворовая гопота, знавшая изобретателя много лет и носившая к нему на ремонт испорченные приёмники

«ВЭФ-Спидола» и магнитофоны «Весна-306», жизнь не портила.

Гуляя по городу, Вовчик узнавал его с неизвестной ранее стороны. Силуэтов, которым не соответствовали люди в обычном мире, было процентов десять от общего числа видимых в «Шилялисе» существей. После месяца борьбы с собой комсомолец и атеист начал называть их душами.

Существовавшие отдельно от тел, они выглядели размыто. Большая часть вела себя совершенно спокойно. Чаще всего они обитали вокруг одних и тех же мест. Иногда возле неторопливо шагавшего призрака наблюдался низкий силуэт на четырёх лапах, помахивающий туманным хвостом.

Отдельные призраки вели себя буйно. Некая душа постоянно металась на переходе, размахивала руками и бросалась на проезжавшие машины. «Верно — жертва ДТП» — подумал Вовчик.

Очевидно, что высокочастотные сущности хоть в какой-то мере воспринимали обычный мир. По крайней мере, они ходили по тротуарам, сидели на скамейках, поднимались по лестницам. Хотя через стены также двигались, проваливались в асфальт и взлетали ввысь.

Вовчика разрывало от желания с кем-нибудь поделиться. Но с кем? На работе его тут же заставят распаять платы и заткнуться от греха подальше. Подружка сочтёт за сумасшедшего. И Вовчик решил посоветоваться с человеком, к которому бегал с любыми проблемами с раннего детства — с бабушкой. Дождавшись очередного долгого отсутствия родителей, он включил прибор, соединив его со входом большого домашнего телевизора «Рубин», и запасся листками бумаги. Когда призрак прошествовал и сел на любимое место, Вовчик поднял перед ним листок с текстом.

«Бабушка, это ты? Если да — кивни».

Он поднёс приёмник к дивану. Силуэт наклонил голову. На большом экране видимость лучше, чем на «Шилялисе», даже проступили некоторые черты лица. Тем не менее, картинка осталась размытой и чёрно-белой. Возможности оборудования упёрлись в разрешающую способность американской схемы. Тридцать на сорок не шибко много. Да и длина волн намного больше, чем у видимого света, поэтому детализация изображения невозможна. Но главное — произошло! Давно умершая женщина вступила в диалог.

«Что мне делать? Рассказать другим, что вижу тебя?»

На экране телевизора призрак еле различимо зашевелил губами. Возможно, она пыталась что-то сказать. Но Вовчик не умел читать по губам, да и в той серо-белёсой мути вряд ли бы кто разобрался. Он развёл руками. Бабушка покачала головой. Значит — нет. Наверно, она права.

«Как ты там?»

Бабушка пожала плечами.

«Почему не уходишь? Из-за мамы?»

Качание головой.

«Из-за меня. Хочешь, чтобы я остепенился».

Бабушка кивнула. Туманные губы улыбнулись.

«Обещаю! Скоро! Не уходи. Мне без тебя плохо».

На этот раз она ничего не ответила, посидела минут пять и удалилась. Вовчик со вздохом рассоединил кабели.

Послушавшись бабушку, Вовчик сохранил тайну. Зато вопросы возникли у подружки и родителей. Со времени появления рюкзака с аккумулятором и телевизора в сумке он сильно изменился, стал замкнутым и почти не слушал музыку. Плакаты с портретами рок-звёзд ныне смотрелись в его комна-

те как простые обои с цветочками, безо всякого смысла. Магнитофон «Юпитер» с мощными колонками S-90 и самодельным усилителем покрывался пылью, которую периодически гоняла Вовчикина мать.

Глава пятая

В августе Ромка утонул в пруду. Улучив время, когда у могилы не было убитых горем родителей, Вовчик принёс прибор на кладбище.

На свежих могилах сидели призраки. Впервые от увиденного на экране стало жутко. Преимущественно старики, но и молодые, даже один ребёнок школьного возраста.

Ромка узнал коллегу. Наверно, тот удивился, когда Вовчик сел на скамейку напротив и помахал ему рукой. Если фантомы умеют удивляться.

Покойный инженер подобрался поближе и склонил голову над сумкой с экраном. Вовчик повёл рэструбом по сторонам. Пусть Ромка знает, как он его видит.

Призрак вернулся на прежнее место. Убедившись, что приёмник смотрит на него, начал показывать руками буквы.

«Кому — нибудь говорил»

Знаки препинания Ромка игнорировал. Как и при жизни.

«Нет» — также показал руками Вовчик.

«Глупо получилось».

Кто ж будет спорить.

«Здесь есть девочка, её задушил отец, — начал быстро семафорить Роман. — Записали, как сама задушилась, помоги».

Вовчика словно ужалило. Он вскочил, выключил питание. Мир активных мертвецов исчез. Только ему не хватало — устраивать разборки с неизобличёнными убийцами.

Забросив аппаратуру, Вовчик начал искать книжки по эзотерике. Оказалось, официально в СССР в этой области не издаётся ничего, кроме бесчисленных брошюр по научному атеизму. Зато вскоре скопилось десятка два самопальных изданий про призраков, вампиров, экстрасенсов и инопланетян среди людей. Толку в них не больше, чем в советской рекламе: «Пей, сынок, томатный сок — будешь крепок и высок».

И однажды Вовчик отправился в храм.

Мутноватый поп подозрительно глянул на майку посетителя с жёсткими мордами музыкантов Deep Purple, которых тот ещё в студенчестве наляпал на футболку через бумажный трафарет.

— Что тебе нужно, сын мой?

— Поговорить.

— Перед исповедью надлежит обратиться душой к Богу, помолиться, осознать грехи, раскаяться, простить причинивших тебе зло.

— Да я... это, батюшка, не грешил. И в Бога не верил... раньше. Тут другое.

Неверие в Бога — смертный грех. Явно парень не крещёный, догадался священник.

— Пошли.

На маленькой скамеечке в боковом пределе он усадил Вовчика рядом.

— Говори, сын мой.

— Понимаете... Не знаю, как объяснить. В общем, я работаю в лаборатории. Проводил испытания установки СВЧ. По-нашему, это сверхвысокие частоты. Ну и... научно доказал существование бессмертной души.

— Зачем ты мне об этом рассказываешь? Я и так знаю, что душа бессмертна. Доказательства не нужны. А если человек закоренел во грехе и безбожии, он не обратится к Богу, даже если узрит его в телевизоре.

— Ну, если я открыл, как увидеть душу и даже сфотографировать её, и другие со временем наткнутся, начнутся обсуждения.

— Ты сфотографировал души умерших людей?!

— Вообще-то говоря, я снял экран телевизора, подключённого к устройству СВЧ, которое улавливает излучения от душ, — Вовчик извлёк из кармана джинсовой куртки слегка мятый конверт. — Смотрите, улица, идут люди, на скамейке никого нет.

— Узнаю место.

— Оно же в экране моего прибора. Видны силуэты идущих людей — душа примерно совпадает с положением тела. Вот пятно сидящего человека. На скамье в этот момент пусто. Извините, что фотографии плохие.

— Нет-нет! Главное вполне различимо. Где прибор?

— Не брал с собой. Он громоздкий — сумка и рюкзак. В церковь как-то неудобно.

Священник нервно перебрал чётки.

— Хотя у нас не исповедь... Могу я говорить о вас с моим начальством?

— Конечно.

— Вы хотите придти к Богу, креститься и заботиться о своей бессмертной душе?

— Пожалуй, да.

— Тогда жду тебя в субботу. Как именовать тебя, сын мой?

— Вовчик.

— Владимир, стало быть. Значит, к четырнадцати. Крестик можешь купить у нас. Я оставлю фото себе?

— Берите. У меня плёнка осталась, могу напечатать сколько надо. Прощайте.

— Ступай, сын мой. Храни тебя Господь.

Несколько успокоенный, что обретёт хоть какой-то ориентир, Вовчик зарядил аккумулятор и на следую-

щий вечер отправился на новые поиски неуспокоенных душ. На узком тротуаре перед ним вырос крупный мужчина в строгом костюме, махнувший красной корочкой.

— Комитет госбезопасности. Вам придётся проехать с нами.

Распахнулась дверь чёрной «Волги», а сзади нарисовался второй здоровяк, блокируя попытку бегства, если кто решится бежать от ГБ с двадцатью килограммами на плечах. Первый офицер помог снять сбрую и аккуратно уложил её в багажник. «Волга» понеслась в центр города. Водитель потянул к себе микрофон на длинном витом проводе, вызвал какого-то «седьмого» и доложил, что объект встречен и через десять минут будет доставлен на место. Несмотря на отсутствие наручников и грозных эпитетов вроде «арестованный» или «задержанный», некрупные внутренности Вовчика смёрзлись в тугий комок. Не тридцать седьмой год, но если кагебешные опера схватили тебя на улице, затолкали в машину и куда-то везут, то... Оставь надежду всяк сюда входящий.

Вопреки худшим ожиданиям, изобретателя не спустили в пыточный подвал и не бросили в камеру. В прилично обставленном кабинете заседал хорошо знакомый полковник, у окна покуривал в форточку офицер помоложе.

— Здравствуйте, Владимир. Присаживайтесь.

Вовчик уместился на краешке стула.

— Рассказывайте.

Тот опустил голову.

— Что говорить? Вы и так всё знаете.

— Тем не менее, хочу услышать от тебя. Давай по порядку. Зачем скрыл, что аппарат показывает призраков. Почему украл государственное имущество. Кому рассказывал о содеянном. Какого хре-

на попёрся в церковь, а не к нам. Потом напишешь на бумаге, чистосердечно.

— Не так было, — Вовчик шмыгнул носом. — Ничего я не скрывал. Аппарат действительно показывал только помехи. Потом я вспомнил, что видел в другой папке из ГБ деталь, похожую на СВЧ-приёмник. Но вопрос уже закрыли.

— Тогда ты украл платы.

— Ничего я не крал! — тут Вовчик был натаскан Фомичем, неоднократно застуканным при выносе радиохлама с завода. — Опытные образцы списываются, распаиваются и уничтожаются. По документам обе платы — мусор. Их бы распаяли. Наоборот, я их спас, унеся домой.

— Дальше.

— Приёмник сделал сам на работе. Телевизор тоже сам купил.

— Кому, кроме попа, рассказывал?

— Никому. Но как он мог... Есть же тайна.

— Он у тебя спросил разрешения сказать начальству, — младший офицер кинул на стол фотографии, оставленные в церкви. — А для попа главное начальство — Пятое главное управление КГБ. Батюшка ложью не согрешил и от нас плюсики заработал. Молодец кругом.

— Что сам об этом думаешь, Арсентьич? — спросил полковник.

Офицер Пятого управления выкинул окурочек и выдал интересную версию.

— На снимках не люди, а использованные упаковки.

— Поясни.

— Чего же неясного? Вот идут пешеходы. Их окружает биополе, имеющее СВЧ-составляющую. Её фиксирует прибор. После смерти оболочка разрушается. Но, оказывается, не у всех. Люди как плохие туристы

после пикника. От них остаются пустые энергетические обёртки, как бутылки и пакеты у кострища.

— Хорошая идея.

— Но явление вредное. Если информация расползётся, начнётся агитация, что приборы видят не стеклотару, а дарованную Господом бессмертную душу.

— Значит, не дадим ей растечься. Документацию с завода я изъял, прибор у нас, в Америке ничего не сохранилось. Завтра мы с Владимиром съездим к нему домой, и он добровольно отдаст нам фотоплёнку и остальные снимки. Правда, Вовчик?

— Куда я денусь?

— Правильный подход. Ночь проведёшь у нас, родителям скажи — у друга заночевал. Дальше решим.

— Товарищ полковник, я так понимаю, Первый главк забирает дело себе?

— Конечно. Спасибо за помощь.

Когда сотрудник Пятака удалился, Вовчик осторожно признался:

— Я ещё бабушке рассказал. И Ромке.

— Твою налево и растак! — разозлился гебист. — Придётся срочно их сюда выдёргивать. У тебя не язык, а помело.

— Не получится выдернуть. Бабушка давно умерла, Ромка в августе.

— Кому Ромка мог рассказать?

— Ну, соседям. Которых с ним в один день хоронили, — Вовчик объяснил ситуацию с душой девочкой.

Полковник сжал кулаки.

— Вот, значит, какие упаковки. Стеклотара, ёпть... Разговаривают и рассказывают про убийства. Так, парень. Ты у нас надолго. Не страдай, не под арестом. Завтра получаешь командировку на... Сахалин, например. Возьмёшь дома вещи, когда родителей нет. Будешь ждать, пока по тебе решение не примут.

Я из Москвы спеца вызову. Правильно, что при майоре не проболтался о мертвяках. Сиди тут и ни шагу. Скоро вернусь. Погуляем, покажешь прибор в действии. Объясни только, как наша лаборатория и заводские гораздо более опытные инженеры ни хрена не смогли, а ты раз — и справился?

— Так электронщики они. Я бы такую сложную схему не спаял без ошибок. Зато я физик. Быстро догнал, что приёмник должен иметь направленную камеру.

— Понял. Сиди.

Полковник обернулся быстро, угостил ужином, после чего они долго гуляли по ночному городу, рассматривая редкие силуэты духов. Когда вернулись в управление, разведчик попросил подключить прибор к его телевизору и посмотреть, что творится в кабинете. Вовчик кое-как приспособил провод от СВЧ-преобразователя к разъёму «тюльпан» на здоровенном телевизоре «Грундиг».

— Знаешь ли, на моём месте раньше сидел очень суровый товарищ из Второго Управления. Контрразведка, если ты в курсе. У него нехорошая слава была. Бывает, как зайду в кабинет, мне нехорошо.

Вовчик запустил прибор и провёл камерой в воздухе. Увиденное в «Грундиге» превзошло все ожидания. Цветное и контрастное изображение комнаты, пусть и в малом разрешении, битком набитой прозрачными людьми с несчастными и злыми лицами, повергло полковника в лёгкий шок. Он глотнул какую-то пилюлю и выскочил в коридор, не в силах находиться среди замученных душ.

«РАЛ» — догадался Вовчик. Естественный стандарт для американца. А я-то дома в наш телек подключался, с блоком цветности SECAM.

— Больше не войду в этот кабинет. Тьфу, батюшку что ли вызвать, окропить святой водой?

— Если здание с времён НКВД-МГБ, здесь, должно быть, другие комнаты такие же. Хотите, коридор посмотрю?

— Не надо, Володя. Поспишь сегодня на диване. Хорошо, не здесь. Только не включай аппарат, ладно?

На следующее утро объявились спецы с Лубянки.

— Действительно интересное явление, товарищ полковник, — согласился старший группы. — Устройство не очень сложное. Главное в нём — идея о правильном преобразовании СВЧ-сигнала. А также, конечно, схема и геометрия приёмника. Тут ваш молодой человек отличился, хвалю.

— Что мы на самом деле видим на экране?

— Сразу и однозначно не скажу. Наука знает, что человеческое тело формирует слабое электромагнитное поле. Теоретически после смерти и прекращения электрохимических процессов поле должно исчезнуть, рассеяться. А оно продолжает дискретное существование. Следовательно, есть материальный носитель магнитного поля, способный существовать годами после уничтожения организма и достаточно далеко от места захоронения.

— Ладно, с ним, носителем, хотя ему больше всего подходит название «душа».

— Поповское слово.

— Не спорю. Как объяснить проявления интеллекта и памяти у призраков, возникающие при общении с ними?

— К сожалению, физиология процессов запоминания в головном мозге человека не изучена до конца. Мы изымаем у вас прибор для дальнейшего исследования.

Оборудование уехало в Москву, а Вовчик отправился в места не столь отдалённые, практически даже комфортные, но отбивающие напрочь желание общедать с кем бы то ни было вопросы бытия, души и посмертия.

Глава шестая

Через два месяца по телевизору отменили развлекательные передачи, а транслировали одно только «Лебединое озеро». Советский народ, привычный к классической музыке лишь по одному поводу, терялся в догадках, какая мордочка исчезнет со стенда «Политбюро ЦК КПСС». Вражеские голоса сообщили — умер Брежнев. Скоро советское телевидение подтвердило их клевету.

С тех пор Вовчик, абсолютно равнодушный к политике и особенно к парадно-официозной её части, стал невольно замечать странности в поведении высших советских бонз. Андропов, которому, без сомнения, не могли не доложить про аппарат, правил странной, будто оглядываясь, как его гэбешную душу примут за порогом вечности, и умер подозрительно быстро, попытавшись за год превратить Союз в некий тридцать первый главк могущественного Комитета. Полутруп Черненко оказался на троне в результате того, что никто не хотел его занимать. Возглавив комиссию по похоронам предшественника, он достаточно быстро последовал за ним.

И снова политбюровские ветераны отказались от поста Великого вождя. Верно, в экране аппарата видели такое, что остудило их амбиции. Точно так же, как в лаборатории радиозавода за пивом бегал самый молодой сотрудник, Генеральным секретарём ЦК КПСС стал молодой Горбачёв, которого Политбюро буквально вытолкнуло на эту должность. Всё равно, что в стекляшку отправило.

Ну как молодой? Не падал и не сыпал песком. По меркам ЦК — суций младенец.

Михал Сергеич (с супругой) был или неисправимый оптимист-атеист, или круглый идиот, или ему просто не показали СВЧ-аппарат. А может, всё вместе. Во всяком случае, человек, допускающий факт

существования бессмертной души, не натворил бы сотой доли горбачёвских подвигов.

После «перестройки» Вовчик устроился начальником сервисной службы в представительстве уважаемой американской фирмы и навсегда забыл про стодесятирублёвое существование плюс чуть-чуть украсть. Он женился, переехал в другую постсоветскую страну, где открылось отделение фирмы, и ни с кем много лет не разговаривал о той истории, пока его не нашёл бывший полковник из Первого главка КГБ СССР.

— Доволен?

— В общем, спасибо. Нормально.

— А ты когда-нибудь задумывался, что ты — главная причина развала Советского Союза? Не дёргайся, я сам тебя практически заставил сделать это.

— Не преувеличиваете, товарищ, э-э...

— Уже не полковник. Хотя успел побыть генерал-майором. Теперь даже не в СВР России. Зови меня просто Евгений Васильевич.

— Ладно. Короче, если бы я не сообразил, что на вход надо присоединить тот приёмник и не расстрепался в церкви, Союз ещё бы жил?

— Без сомнения.

— Не верю. Я не специалист, конечно, но причин распада много.

Экс-генерал закинул ногу на ногу, потягивая апельсиновый джюс.

— Видишь ли, Владимир. Нашей страной правили исключительно прагматичные люди. Но под свой прагматизм они обожали подводить прочную философско-идеологическую основу. Тебя учили в вузе научному коммунизму и философии?

— Как и всех.

— Тебе объяснили, что не было никакого божеского акта творения, а спонтанный Большой взрыв мно-

го миллиардов лет назад. Потом с непреложной закономерностью возникли звёзды и планеты.

— Евгений Васильевич, я физфак кончал, пусть и давно.

— Именно. Детали видишь, а общее скрыто. Потом возникли на планетах океаны, а на них, по Опарину, самозародилась жизнь. Эволюционировала, стала разумной. Появились классы и классовая борьба. А кто побеждает в борьбе? Креативный класс, он же пролетариат, со своим авангардом во главе, коммунистической партией. Цепочка замкнулась. Из самого факта существования Вселенной проистекает, что на обитаемых планетах неизбежно правит коммунистическая партия и лично Генеральный секретарь дорогой товарищ Леонид Ильич... Жизнь вождей была понятной и материалистически обоснованной.

Вовчик закурил сигарету какой-то дорогой марки, которая и не снилась советскому инженеру.

— Ну и правили бы себе дальше. При чём тут я? Совок разорвало изнутри, как мяч под давлением.

— Это правда лишь отчасти. Россия всегда с трудом сдерживала разбегающиеся провинции. Вспомни историю — семнадцатый год и Гражданскую войну. Откололись Польша, Финляндия, Прибалтика, Белоруссия, Украина, Бессарабия, Закавказье. К 1940 году собрали, и то не полностью. Сталин был решительным руководителем потому, что не видел твоего аппарата. Он не имел сомнений, был убеждён, что останется бессмертен только в памяти народной, но никогда не встретится с душами жертв ГУЛАГа.

— Можно подумать, Андропов испугался.

— Ещё как, Владимир, — бывший разведчик допил сок и тоже закурил. — Когда он приступил к управлению, то напоминал пловца, вошедше-

го в реку. Не профессионала, а судорожно дёргающегося и неизбежно глотающего воду новичка. Вспомни его причуды, одни только облавы на посетителей дневных киносеансов чего стоили.

— Горбачёв, похоже, ни о чём не знал.

— Угадал.

— Почему же его правление было хуже, чем у Андропова и Черненко вместе взятых?

— Из-за прибора тоже. Старые члены Политбюро знали о душах и тормозили безбожные горбачёвские выходки. Они понимали — раз есть душа, почему не быть Богу. Плюс амбициозная жена, которая считала себя умнее всех на свете, как и любая провинциалка, внезапно угодившая на трон. В результате наступил управленческий хаос, при котором оказалось невозможно сдерживать центробежные процессы. И — бумм! Мы живём в других странах, менее крупных и державных.

Евгений Васильевич надолго умолк.

— Слушайте, а нынешние боссы знают?

— Ельцин не был в курсе, хоть и работал рядом с верхушкой Политбюро. Тут я на сто процентов уверен. Про Путина не скажу.

— А где мой прибор? С телевизором «Шилялис», купленным на кровные инженерные?

— Уничтожен, как и более совершенные версии.

Самая жуткая тайна КГБ умерла вместе с Комитетом.

— Жаль. Хотя...

Экс-гэбешник глянул на повзрослевшего Вовчика с улыбкой.

— Не напрягайся. Да, осталось десятка три чело-век, которые глядели в экран. Если мы хором соберёмся и начнём кричать, что «кровавая гэбня» утаила величайшую тайну человечества, о нас разве что жёлтые газеты напишут. Добавят, что в КГБ

прятали инопланетян, орган лохнесского динозавра и летающий диск нацистов.

— Понятно. Я совсем о другом. В радарах сейчас куда более высокочастотные приёмники. Переделать антенну, задать алгоритм обработки сигнала — и можно снова смотреть картинки из диапазона десять гигагерц. Любые импортные детали доступны.

— Хочешь сказать, что можешь собрать подобное устройство из обычного армейского радара?

— Да без проблем. Вопрос — надо ли?

— Действительно. Одну сверхдержаву ты уже развалил. США на очереди?

— От них вряд ли убудет, Евгений Васильевич. Они и так сплошь католики и баптисты.

— Нет, Володя. Ведь тебе батюшка тридцать лет назад объяснил: Бог и душа должны быть мистической тайной, а не объектом инструментального исследования.

— Примерно так.

— Поэтому сам решай, нужно ли снова пускать в мир эту заразу. Я — пас.

Разрушитель Союза вышел из «Егоркино». Экс-генерал, расплатившись, также покинул ресторан и долго смотрел вслед Вовчику. Выходит, технология не утрачена. Интересно, её владелец поймёт недвусмысленный намёк, что секрет разглашать не стоит? С другой стороны, если кто-то додумался, нет ни малейшей гарантии, что следующий энтузиаст не захочет излучения СВЧ-диапазона преобразовать в изображение на экране.

Внезапно разведчик понял, откуда на радарных мониторах десятков государств фиксируются летающие объекты, не видимые невооружённым глазом. Это — души погибших лётчиков, не пожелавших расстаться с небом и после смерти. **У**